

Всепроникающий туман клубится вокруг меня, пока я прохожу по бездонной трясине. Приглушенные голоса что-то бормочут в темноте, невидимые и едва слышимые, когда я сосредотачиваюсь на своем пути, игнорируя их как могу. Измученный своими стараниями, каждый шаг дается с трудом, но я продолжаю свое трудное путешествие. Моя цель, скрытая туманом, лежит впереди, в этом я уверен. Вперед, все время вперед, не отступать, не сдаваться, потому что на этом пути лежит смерть. Чтобы обрести безопасность и защищенность, обеспечить выживание и блаженство, я должен идти вперед. Это путь мира; сильные процветают, слабые умирают, а все остальные топчутся на месте, думая, к какой группе они принадлежат. Нет покоя усталым, нет мира нечестивым, нет конца страданиям, только бесконечный поток испытаний и невзгод, одни лишь трудности.

Такова жизнь.

Сквозь непрозрачную дымку я вижу тени, танцующие в темноте, их шаги отдаются эхом, когда они окружают меня, их шепот вторгается в мой разум, они дразнят меня неразборчивым шепотом, их сообщение теряется в завывании ветра. Кружась вокруг меня, вне досягаемости, тени ждут, когда я упаду, но я не прикасаюсь, пока не остановлюсь, поэтому я никогда не смогу остановиться. Смотреть вперед, не сожалеть, не оглядываться назад. Грязь замедляет мое движение, цепляясь за ноги, когда они волочатся за мной. Мои ноги связаны, а рука бесполезно болтается сбоку, но это не имеет значения.

Медленный и устойчивый выигрывает гонки. Продолжай. Эмм... Держись, котенок? Мне нужно больше мотивационных цитат.

Воздух становится разреженным, и я борюсь за дыхание, когда теплая тяжесть давит на мою грудь, душит меня, мешает мне, толкает меня назад, но пути назад нет, нет времени на отдых, как бы я ни был измучен. Они ждут, когда я споткнусь, поэтому я должен продолжать, чтобы не присоединиться к ним. Одна нога перед другой, мое бесконечное путешествие продолжается, позади бесчисленные шаги и тени.

Нет ощущения движения, нет меры расстоянию, только неизменный участок земли, простирающийся дальше кончиков моих пальцев, все застыло на месте, когда я иду вперед, мир волочится за мной. Поблизости раздаются рычание и сопение, но видны только тени, мелькающие и исчезающие, их жизни угасают, как только они снова входят в туман, и все же я двигаюсь вперед. Сколько их осталось? Сколько еще меня преследуют?

Оглядываясь по сторонам, я вижу его боковым зрением: маленький мальчик смотрит на меня пустыми глазницами, его рот раскрыт в беззвучном обвинении, обрубок языка уродлив и обожжен, десны кровоточат. Вперед. Не смотри на него, не разговаривай с ним. Он протягивает ко мне сложенные чашечкой ладони, и я машинально бросаю на него взгляд, с ужасом обнаруживая, что его отрезанные пальцы и отсутствующие глазные яблоки аккуратно лежат на ложе из вырванных зубов.

— Ты убил меня.

— Нет, ты ошибаешься, — возражаю я, уже защищаясь. — Шрайк убила тебя, так что иди и преследуй ее.

...Может быть, я слишком много разговаривал с ходячими трупами, но после всего, через что я прошел, зомби не так уж и опасны.

Невозмутимый моим ответом, болтливый труп пытается снова.

— Ты позволил мне умереть.

— Ну... У меня не было выбора.

— Ты стоял и смотрел. Ты ничего не сделал.

— А что мне было делать? Я хотел спасти тебя, я пытался спасти тебя, но Шрайк не слушала. Все, что я мог сделать, это умереть с тобой.

— Тогда умри. — Появляется еще одна жертва сорокопута, она прижимает свою кожу к телу, как свободное платье, и прислоняется к моему плечу, ее изуродованный рот шепчет мне на ухо. — Ты убил нас, это справедливо.

Осторожно отстраняясь от ее знакомой ласки, я качаю головой, спокойнее, чем должен бы быть.

— Нет, мэ, как я только что сказал вашему сыну, я вас не убивал. — Из тумана появляются мертвецы, и только тогда я понимаю, что мои ноги перестали двигаться. Прыгая на них, я пробираюсь сквозь толпу, мертвые собираются вместе, чтобы удержать меня на месте.

— Присоединись к нам.

— Эмм... Нет, спасибо, у меня ранняя встреча, надо идти. — Безуспешно проталкиваясь через них, я снова пытаюсь вежливо попросить. — Серьезно, я не виноват, что вы умерли, так что, пожалуйста, отпустите меня.

— Может быть, но нас убили из-за тебя. — Семь знакомых лиц выделяются из толпы и выглядят точно так же, как в последний раз. Мурат шагнул вперед, его грудь сдавило, а лицо исказилось в усмешке. — Не отрицай этого. — Он оставил после себя молодую жену и двух пожилых родителей, хороший человек, который много работал, чтобы содержать их всех.

— Мы следили за тобой, доверяли тебе. — Рука Дилары хватает меня за горло, притягивая обратно в неудобные объятия, меч в ее груди пронзает меня. — Правильно, что ты ведешь нас до конца.— Прекрасная пожилая женщина, она была влюблена в одного из Стражей, но не привыкла к откровенности в своих чувствах. Похоже, смерть это исправила.

Серик приближается со слезами на глазах, держась за живот, пока его внутренности вываливаются наружу.

— Как же моя старушка выживет? Присоединяйтесь к нам, уведите нас отсюда, мы умоляем вас.

Один за другим мои погибшие солдаты подходят ко мне, мое горло сжимается от горя.

—Мне очень жаль. — Не в силах смотреть им в глаза, я выскальзываю из их объятий, мертвые все еще звенят вокруг меня. — Я не могу вас увести. Вы мертвы. Я все еще жив, а остальные ждут, так что, пожалуйста...

— Уже нет. Я натыкаюсь на растрама, он печально улыбается и качает головой, его шея свисает под невероятным углом. — Ты не помнишь?

— Что ты имеешь в виду? Что ты здесь делаешь?

— Лагерь атакован, ночные бои, плохо для всех. — Пран выходит и похлопывает меня по щеке, половина его лица расплющена, видимые кости раздроблены. — Босс умирает во сне, да? Не как маленькие жены.

— Идиот. — Очаровательная надутая Мила испорчена отсутствием челюсти, ее скрещенные руки испещрены многочисленными зазубренными следами укусов. — Настаивать на похоронах, но потом отказываться переезжать. С таким же успехом можно было разослать приглашения и позвонить в колокольчик, когда ты привел Оскверненных прямо к нашему порогу. Почему мама обручила меня с дураком, я никогда не пойму.

— Они убили меня, Рейни. — Скорбный взгляд Лин наполняет меня отчаянием, ее тело проколото столько раз, что я не могу сосчитать. — Мне так больно, заberi меня отсюда...

Качая головой, я пытаюсь отрицать правду.

— Нет, этого не может быть, у меня были стражи и расписание, мы должны были быть в безопасности...

Когда я приближаюсь к Лин и Миле, их лица сливаются с толпой и исчезают, мои солдаты, мои друзья, мои обвинители окружают меня, загоняют в угол и замирают, их голоса сливаются, чтобы осудить меня.

— Ты подвел нас, убил. Теперь присоединяйся к нам, веди нас отсюда.

Схватившись за голову, я упал в грязь и спрятал свой стыд.

—Мне очень жаль... У меня не было выбора. Все так устали, квиам нужен был отдых, но я не мог оставить их тела падальщикам...

— Я устал от твоих оправданий. — Волчьи голубые глаза Баатара пронзают меня насквозь, он разочарованно смотрит на меня. — Я уже покинул свой дом и продал себя Империи, чтобы защитить тебя. Когда ты будешь нести свой собственный вес? Почему я вообще беспокоюсь о тебе - загадка.

— Позор моим Стражам, - добавляет Аканай из мыльной ванны, ее пренебрежительное отношение причиняет боль не меньше, чем слова Баатара. — Вечно доставляешь неприятности, но я терпела тебя ради Баатара. Ошибалась, теперь я понимаю.

— Мне следовало утопить тебя в тот день, когда мы встретились. — Альсансет улыбается, гладит меня по щеке, близнецы хихикают, повторяя ее слова. — Это было бы милостью для всех нас. Ты не подходишь для этой жизни, тебе здесь не место.

Не принадлежал, не принадлежу.'

—Я не просил об этом!— Ее рука выskalъзывает из моих пальцев, когда она оставляет меня позади. —Я не просил вас приходить сюда, я не знаю, почему это случилось...

— Не ври. — Мои глаза смотрят на меня, полные ненависти и гнева. Нет, не мои глаза. Его глаза, янтарные глаза Бейлдага, воина, дракона, а я всего лишь ягненок для убоя. — Знаешь, почему ты здесь. Ты здесь, чтобы украсть мое тело, мою жизнь, но ты даже этого не можешь сделать правильно.

— Нет, это неправда!

— Ты уже испортил свою первую жизнь, Почему ты думаешь, что эта будет другой? Все, к чему ты прикасаешься, рассыпается в прах. Иди умри и позволь мне жить своей жизнью, без того, чтобы ты тянул меня вниз.

— Но... ты осквернен. Я не могу отпустить тебя, ты превратишься в монстра...

С уродливым смехом Бейлдаг поднимает меня и швыряет на землю, его хватка холодна и непреклонна.

— Ты украл мое тело и запер меня в пустоте. Может, я и осквернен, но ты - чудовище. В конце концов, если я осквернен, это делает и тебя демоном. Видишь? — Сунув мне в лицо зеркало, я вижу свое отвратительное, нечеловеческое отражение.

Сдавленный крик вырывается из моего горла, когда я извиваюсь в поисках свободы, мертвые обволакивают меня, мое тело отяжелело и не может двигаться, холодная рука Бейлдага, наконец, отпускает мое горло.

Несчастный крик возвращает меня к реальности, напряжение покидает мое тело, когда я падаю в спальный мешок, мое сердце колотится в груди, отчаянно пытаюсь убежать. Детеныши выражают свое недовольство несколькими жалобными хрюканьями, их холодные носы касаются моей кожи, посылая дрожь по позвоночнику. Мафу протестующе пищит, когда я высвобождаю руку из-под его жирной головы, а Аури протестующе трется и разминает мои ноги, шлепая меня своей здоровенной лапой всякий раз, когда я двигаюсь.

Я для них всего лишь теплая подушка.

Пран высовывает голову, его бычьи рога цепляются за полог палатки.

— Босс, все в порядке, да?— Увидев возможность сходить на горшок, медведи выбегают в ночь, Мафу следует за ними, а Аури и Джимджам ведут себя как обычные кошки и не спеша следуют за ними. Приятно, что Мафу забрал всех моих питомцев, он отличный папочка квин.

— Я в порядке, — прохрипел я, во рту пересохло от страха, а лицо горело от смущения. — Извините за беспокойство.

Оценив ситуацию, глаза гиганта смягчаются и сочувственно кивают.

— Дурной сон.— Не дожидаясь ответа, он пожимает плечами. — Бывает. Чистка плоха для души, слишком много смерти для плохого сна. Я найду Маленькую мисс, попрошу ее выпить чаю для сна, хорошо?

— Нет, спасибо. Я буду в порядке. Как и вы. — Стряхнув с одежды шерсть и волосы, я прохожу мимо Прана и киваю Салюку и другим гвардейцам. Смотрю на луну, думаю, что сейчас два часа ночи, черт, лучше бы я не отдавал эти карманные часы Зиану. Он был такой блестящий и красивый... — Пока я на ногах, пойду проверю раненых. И, возможно, Стражей.

— Босс, уже поздно. Вы спите. — Салюк шагает вперед и гордо похлопывает себя по груди. — Салюк проверит раненых и Стражей. Если возникнут проблемы, я вернусь, хорошо?

— Плохо, что другие увидят босса в ночной рубашке. Похоже на пушистое платье. — Добавляет Пран с усмешкой, хотя слова его раздражают. На мне нет ночной рубашки, это ночная одежда. Разница, правда, небольшая.

Кашляя, чтобы скрыть смущение, я проскальзываю обратно в палатку и забираюсь в спальный мешок, все еще дрожа от кошмара и желая только одного - зарыться в одеяло и никогда не выходить.. Если только это тоже не сон... Быстрый щипок доказывает, что эта теория ложна, поэтому я смиряюсь с тем, что смотрю на крышу своей палатки, вспоминая детали моего кошмара. Чувство вины, тревога, страх и паранойя - все вместе образуют идеальный хаос.

Как весело.

Быстро проверив, как там Бейлаг, я нахожу его крепко спящим и ничего не подозревающим. Как он отреагирует, если узнает правду? Гнев или стыд? Я действительно его "демон" или что-то еще? Я думал, что мне удалось отодвинуть эти тревоги в сторону, но, очевидно, мое подсознание наслаждается мучительными подробностями.

— Рейн, с тобой все в порядке? — Мила садится рядом со мной в свободной рубашке, а все домашние животные возвращаются на свои места. — Салюк был в медицинском пункте и сказал, что ты отправил его проверить пациентов и стражей.

— Со мной все в порядке. — Схватив ее за руку, я прогоняю воспоминание о ее раненом теле и заключаю ее в объятия. С легким вздохом она падает в мои объятия, открывая хмурую Ли Сон позади нее, прижимающую борющегося детеныша к груди. — Разве ты не должна спать?

— Я был на посту. Я уже закончила, и я пришла посмотреть, как у тебя дела. — Нахмурившись, она толкает мохнатую задницу Аури, огромный кот ворчит, когда отодвигается, чтобы дать ей укрыться одеялом. — Если честно, Рейн, ты даже Мафу позволяешь спать здесь? Что ты будешь делать, когда медведи вырастут?

— Не волнуйся, у меня уже есть план: палатка побольше. Блестяще, правда?

Ее дыхание щекочет мне шею, когда мы лежим рядом. Уткнувшись носом мне в плечо, она спрашивает:

— Обычно к этому времени ты бы уже смеялся над моим бьющимся сердцем, или твои руки блуждали бы вместо того, чтобы крепко обнимать меня, как будто ты боишься, что я исчезну.

— Я слышу нотку разочарования?

Она легонько шлепает меня по груди, и я представляю ее очаровательную надутую губу.

— Ты неисправимый человек. Ты превратил меня в бесстыдную девушку, лежащую в постели с мужчиной до свадьбы. Мама сдерет с нас шкуру, если узнает.

— Тогда нам лучше молиться, чтобы она не узнала.

Детеныш, наконец, высвобождается из объятий Ли Сон и снова забирается мне на грудь, ныряя под мою руку, чтобы плюхнуться на ладонь Милы, его нос надежно прижат к моей шее. Хихикая, Мила пожимает плечами и говорит:

— Ну, кажется, я застряла здесь, когда вы двое взяли за руки. Думаю, я останусь на ночь.

— Думаю, что да. Ли сон, я уверена, тебе будет удобнее в твоей собственной палатке.

Не понимая намека, упрямая девочка-кошка качает головой.

— Эта останется рядом с хозяйкой. — Не отворачиваясь, она расстегивает доспехи, и я быстро

отвожу взгляд. Безмолвно посылая сообщение Миле, я спрашиваю: — есть идеи, как нам заставить ее уйти?

— ЗАЧЕМ ЕЙ УХОДИТЬ? Мы только спим, пусть делает, что хочет, - отвечает она, добавляя шепотку для выразительности. — ТАК ЧТО СЛЕДИ ЗА СВОИМИ БЛУЖДАЮЩИМИ РУКАМИ.

Проглотив разочарование, я кладу руку ей на плечо и отправляю Ли Сон за запасным одеялом, которое она расстилает рядом с Милой. Как бы захватываяще это ни казалось, делить палатку с двумя женщинами - это не все забавы и игры. Мой разум знает, что ничего не случится, не с охранниками снаружи и моими домашними животными, занимающими всю комнату внутри, но другие части настаивают, чтобы я что-то сделал. Даже без сексуального напряжения я не могу избавиться от дурных предчувствий, потому что это все слишком близко к истине.

Что, если это пророческие сны? Ночь еще только началась, на нас могут напасть. А что, если все действительно на меня обижаются? Я имею в виду, я не приношу людям ничего, кроме проблем, и с тех пор, как я прибыл, они перешли от затворников горных жителей к фронтовикам. Я буквально разрушил для них рай. Нет, успокойся, это неправда, это был просто кошмар, все хорошо. За исключением жертв Чистки и мертвых солдат, они все еще мертвы, но Баатар и Альсансет не ненавидят тебя, а Аканай, по крайней мере, терпит тебя. Все в порядке...

Вопреки здравому смыслу, я возвращаюсь к старому аргументу.

— Мила, утром мы возвращаемся, чтобы передать пленников. Когда мы это сделаем, я хочу, чтобы ты проводила Лин обратно на Мост.

— Я бы с удовольствием, но она не пойдет. — Мила отвечает тихо и сонно, бедная девочка измучена верховой ездой два дня подряд. — Лин приняла решение, и ничто его не изменит. Тебе никогда не приходилось иметь дело с тем, какой упрямой она может быть, потому что ты всегда так легко сдаешься. Она останется, и я тоже, прими это и двигайся дальше. — Крепко прижимая меня к себе, она спрашивает: — ты боишься потерять нас?

— Ужасно боюсь. — Наверное, не стоило отвечать так быстро. — Сегодня я потерял семерых солдат. Я мог потерять тебя. Не говори, что этого не случится, достаточно одной ошибки.

Поцеловав меня в щеку, она вздыхает.

— Может быть, Джерел и прав, ты слишком умен для своего же блага. Если бы ты потерял солдат, сражающихся против старейшины Мина, ты был бы лучше подготовлен к этому. Справляться с первыми потерями непросто. — Прежде чем продолжить, она заставляет меня посмотреть ей в глаза. — Ты прав, я могу умереть в любой момент, но то же самое можно сказать и о тебе. Прекрати пытаться отослать меня, я сделала свой выбор. Лучше сражаться на твоей стороне, чем мучиться дома в ожидании твоего возвращения.

— Но--

— Никаких "но". Чего тут бояться? Смерти? Ты такой странный, бесстрашный в бою, но такой кроткий снаружи. Ты рискуешь своей жизнью, не заботясь о мире, но когда кто-то делает то же самое, ты распадаешься на части. Неужели твоя жизнь так мало значит? Думаешь, мы с Лин будем жить дальше без слез после твоей смерти? — Ее глаза наполняются слезами, когда она прижимается ко мне. — Ты проделал потрясающую работу, сохранив всем жизнь. Научись доверять себе, любимый, все остальные уже доверяют.

— Ха!

— Что?

Целуя ее в губы, я прижимаюсь лбом к ее лбу, не в силах сдержать улыбку.

— Ты назвала меня "любимый". Наконец-то заставил тебя признать это.

Я почти вижу, как ее лицо краснеет.

— Идиот. Перестань волноваться и ложись спать, у нас все еще есть армия, которую нужно убить, и ты никому не нужен.

— Ты любишь меня.

— Спокойной ночи.

— Я тоже тебя люблю. И спасибо.

Мои тревоги тают, я греюсь в ее тепле и аромате, засыпая, как только закрываю глаза.

Все будет хорошо.

...

Подожди, это даже отдаленно не было похоже на то, что она сказала...

<http://tl.rulate.ru/book/591/480940>